

никогда не жестикулировал. Но зато в его глазах и на лице было столько выражения, что все понимали его с первого слова. Еще во флоте за ним закрепилось грубоватое прозвище «громила». Оно осталось за ним и у нас в отряде. Костя на него не обижался.

Охрименко удивил партизан своей первой операцией. Она была замечательна тем, что в ней не было произведено ни единого выстрела.

По донесению разведчиков, полицейские, отбирающие у населения продовольствие, частенько останавливались в селе Топчикой (Долинное) в татарской кофейне. Нужно было обоз у полицаев отнять, а их или уничтожить или привести в стряд.

Командир отряда поставил задачу, объяснил ее во всех подробностях. Иначе нельзя — люди шли на первое партизанское задание. Костя внимательно выслушал Гордиенко и сказал лишь одно слово:

— Есть!

Направляясь на ликвидацию обоза в деревню, Охрименко выслал вперед разведчиков. Они установили, что подводы и машины, груженные награбленными продуктами и вещами, находятся вблизи кофейни, а в самом «заведении» идет кутеж полицейских.

— Устроим «гоголь-моголь», — сказал Костя, и товарищи хорошо поняли его. «Гоголь-моголь» было любимым выражением Охрименко, и означало оно многое, смотря по обстоятельствам. В данном случае это значило: окружить кофейню и ворваться туда. Когда партизаны подошли к обозу, то увидели, что на каждой подводе сидит по одному человеку. Это были жители деревень, и по их грустному виду можно было определить, что их заставили сесть на повозки насильно.

Костя смело подошел к первой подводе, направил автомат на ездового, подмигнул ему и вопросительно кивнул на кофейню. Тот утвердительно кивнул головой. Это означало, что полицаи в кофейне. Затем Костя поднял бровь и показал ездовому руку с растопыренными пальцами. Это был немой вопрос — сколько? Ездовой, прижав руки к животу (чтобы не заметили из окна кофейни), показал ладонь левой руки и один палец правой.

— Шесть.

Оставив одного партизана у лошадей, Охрименко рванул дверь кофейни и вскочил внутрь. За ним вся группа. Испуганные полицаи поднялись с мест.

— Руки! — прогремел Костя.

Десять автоматов смотрели в упор на ошеломленных черношинельников.

— Оружие! — приказал Охрименко, и партизаны быстро обезоружили фашистских пособников.

— Старший, выходи!

Из-за буфета выплыл жирный кривоногий человек.

— Это же знаменитый чебуречник! — воскликнул один из старых партизан. — У него в соседнем селе² за-ведение имеется. Верно, хозяин?

— Праульни. Имеем еще один филиал столовой — чебуречный-шашлычный. А почему нет! Нельзя, да? Гостей принимаем, как надо...

— Обед на десять персон, — приказал Охрименко, садясь за столик. Хозяин засуетился, и скоро на столах появились чебуреки, шашлыки, кофе. Полицаи стояли в углу, боясь пошевелиться. Когда партизаны плотно победали, Костя коротко произнес:

— Замок!

— Душа любезный, зачем замок?

— Живо!

Пока хозяин трясущимися руками рылся в ящике, партизаны связали шестерых полицейских и погрузили их на подводы.

— Остальные тут до утра. Без звука. Иначе, — и Костя показал автомат. Затем он взял из рук хозяина замок, вышел и закрыл кофейню снаружи. Партизаны спокойно уселись на подводы и направились в сторону леса. Отпущеные ездовые разбежались по домам.

Так начал свою боевую жизнь в партизанах Костя Охрименко. С тех пор его группа провела немало замечательных операций. В первое время группу посыпали на задания в том составе, в каком она прибыла в отряд. Лишь изредка лавали по одному старому партизану, хорошо знающему местность. Вскоре Охрименко подружился еще с одним командиром группы, и на последующие операции они ходили вместе. Вот как это произошло.

В октябре 1943 года в Барсучью балку, где размещался штаб шестой бригады, пришла группа военнопленных в составе 17 человек. В этих измученных полуодетых людях, бежавших из лагеря, трудно было узнать бывших армейских солдат и офицеров. У многих на глазах слезы, которые они не могут скрыть. Мы понимали состояние этих исстрадавшихся в фашистской неволе людей. Еще

накануне вечером, располагаясь на ночлег в грязных и тесных лагерных бараках, они и мечтать не могли о свободе. А сегодня, словно в сказке, перед ними необыкновенный лагерь, поющие баяны, радиоприемники, доносящие радостные вести из родной Москвы, веселый смех людей, пылающие костры, улыбки женщин, угожающих им вкусным обедом.

Пленных привел бывший командир взвода лейтенант Николай Лесняк. Он рассказал о том, как они совершили побег. В устье реки Качи гитлеровцы создали несколько лагерей, в которые сгоняли не только военнопленных, но и мирных жителей для работ по укреплению обороны Севастополя. Группа советских солдат и офицеров задумала бежать из лагеря. Возглавил ее Лесняк, имевший в этом опыт. Он уже несколько раз убегал из плена, но его снова и снова ловили. Ночью, когда все уснули, 17 человек выползли к проволочному заграждению, руками переломали проволоку и ушли из лагеря. Несколько ночей они блуждали по лесам, отыскивая партизан. Днем отлеживались в укромных местах. Наконец набрали на заставу отряда Гордиенко.

Я приказал комбригу Самойленко принять их. Посоветовавшись с Гордиенко, мы решили оставить их в его отряде. Командиром группы был назначен Николай Лесняк.

Он рассказал мне о днях, проведенных в фашистском пленау.

Сентябрь 1941 года. Фашистские полчища рвались к Москве. После тяжелых боев был оставлен Орел. Восемь раненых, находившихся в госпитале, не успели эвакуировать с последним эшелоном. Кто мог передвигаться, ушел куда глаза глядят. Остальные лежали, прикованные к кроватям. Лежал и лейтенант Лесняк. Гитлеровцы, ворвавшись в госпиталь, уничтожили тяжело раненных, остальных, немного подлечив, отправили в тюрьму. Здесь царил дикий произвол. В небольшие камеры набивали по 130—150 заключенных. Люди задыхались от недостатка воздуха, болели и гибли.

При переводе в лагерь Лесняку удалось бежать. Решив пробиваться в родные места, где действовали партизанские отряды, он очутился в Полтаве. Здесь его поймали, избили до полусмерти и направили в другой лагерь. Через три месяца новый побег. Но вскоре он опять оказывается за колючей проволокой, теперь уже в Запо-

рожье. Неимоверные лишения вновь заставили думать о бегстве. Однажды по пути на работу он спрятался в небольшой рощице, а с наступлением ночи двинулся на юг. В Донбассе Лесняка вновь арестовали. Опять грязные бараки, рабский труд, издевательства. В Джанкое, где остановился эшелон военнопленных, направлявшихся под Керчь на сооружение переправы через пролив, Лесняк с группой крымчан совершил очередной побег. От местных жителей беглецы узнали, что партизаны находятся где-то под Зуей. По пути в лес снова не повезло — пленных обнаружили немецкие патрули и этапом направили под Севастополь. Здесь, в Качинской долине, на окраине небольшой деревушки, рыли противотанковые рвы вражеской обороны города.

Лагерь был небольшим. К июню 1943 года, когда суда попал Лесняк, в нем находилось четыреста шестьдесят человек. Они размещались в двух бараках, обнесенных колючей проволокой.

Режим лагеря был рассчитан на истребление и голодную смерть. Плохо одетые, истощенные люди не имели права разводить костры, подходить к реке, чтобы напиться. На колючей проволоке висели противопехотные мины. Даже за попытку приблизиться к заграждению расстреливали...

Я слушал рассказ Лесняка и уже наперед знал, чем он окончится: будет просьба выручить оставшихся в лагере товарищем. Так оно и случилось.

— Я хочу вас попросить, товарищ командир, чтобы вы послали мою группу на выручку друзей. Ведь мы им обещали...

— Подумаешь, — ответил я Лесняку и отпустил его.

Было ясно, что подобная операция группе Лесняка пока не под силу. Побег небольшой группы — это одно дело, а освобождение двухсот-трехсот человек — совсем другое. Бесшумно снять охрану лагеря, пройти и пройти освобожденных мимо вражеских застав (около 40 километров) — это могли сделать только опытные партизаны после тщательной подготовки. Посоветовавшись с комбригом, мы решили слить группу Лесняка с группой Охрименко, тем более, что командиры групп уже успели подружиться.

Охрименко начал учить Лесняка и его друзей партизанской премудрости: как ходить по лесу, как подбираться к населенным пунктам, как незаметно окружить штаб-

гарнизона, как устроить «гоголь-моголь» и как быстро и без потерь отойти. Учеба шла успешно — ведь она была практической.

Как раз в это время жители деревни Тиберти (Тургеневка) сообщили нам о старосте, который выдавал гитлеровцам советских патриотов и всячески издевался над односельчанами. Охрименко и Лесняку мы приказали уничтожить фашистского холуя. Ночью незаметно партизаны подошли к дому старосты, постучали.

— Кто там? — отозвались из дома.

— Откройте, партизаны, — спокойно произнес Костя.

В доме старосты не оказалось. Перепуганная хозяйка сообщила, что староста ушел к соседу. У соседа партизаны узнали, что предатель только что был, но вышел. Пока ходили по соседним домам, наступил рассвет. Пришлоось уйти в лес и дневать около деревни.

С наступлением следующей ночи партизаны снова пришли в деревню и обошли чуть не все дома. Староста исчез. Уходя из деревни, партизаны заметили, как из крайней хаты выскоцил человек. Задворками он побежал в противоположный конец селения. Его задержали. Оказалось, что это тот, кого искали. Предателя привели в отряд, и он получил заслуженную кару.

Спустя два дня группы Охрименко и Лесняка задержали на дороге две машины с жандармами. Жандармы были уничтожены, машины взорваны.

Теперь, когда люди Лесняка освоились с партизанской тактикой, мы им разрешили готовиться к операции по освобождению пленных из лагеря. Добавили бойцов из группы Охрименко. Всех вооружили автоматами.

Под вечер группа вышла на задание. Шли всю ночь. На рассвете прибыли на место. Из-за небольших кустарников было хорошо видно, как подгоняемые окриками и прикладами конвойных пленные выходили на работу. Нужно было сидеть, не шелохнувшись, весь день, чтобы не провалить все дело и не погибнуть самим.

— Так мы провели здесь день, — рассказывал позднее Лесняк, — а вечером, после окончания лагерной переклички, пошли с Костем в разведку. Он впереди, я за ним. Видим, в конюшне, которая находилась вне огороженного лагеря, сидят два немца. Разом вбежали в конюшню и уничтожили конюхов. Из конюшни стали наблюдать за охраной лагеря. На угловых вышках часовых не было. На воротах стоял гитлеровец с автоматом. Два

парных патруля ходили с одной и другой стороны лагеря. Тихо вышли на место встречи патрулей и подождали, когда они, встретившись, разойдутся. Вот солдаты сошлись, перебросились несколькими словами и двинулись в противоположные стороны. Мы медленно пошли за одной парой и, выбрав момент, с ножами бросились на фашистов. Оттащив трупы за кучу навоза, стали ждать следующую пару. В это время все партизаны потихоньку перебрались в конюшню и ждали нашего сигнала. Со второйвойкой патрульных вышла неувязка — один успел выстрелить в воздух. Но это нам даже помогло. Встревоженный выстрелом часовой выскоцил из ворот, и тут его скосила меткая пуля, пущенная нашими из конюшни. Мы сразу ринулись к воротам, сбили замок и очутились во дворе. Из окна штабного домика застрочил пулемет. Но я уже заскочил в барак. Меня сразу узнали. Я крикнул: «Братишки! Мы пришли за вами! — и распахнул двери барака. — Бегите в конюшню, садитесь на лошадей и в лес!» Повторять эти слова не пришлось — людей из бараков как ветром выдуло. Костя с хлопцами во дворе обстреливал штабной дом, но пулемет не умолкал.

— Что же делать? — спросил я.

— Выкурим, — ответил Костя.

Так и сделали. Запалили дом с противоположной стороны и отошли. В кустарнике на холме нас ждали освобожденные друзья. Вот и все...

После этой операции наша партизанская семья выросла еще на 200 человек. Все военнопленные из лагеря стали партизанами, а мирные жители, мобилизованные на окопные работы, разошлись по домам. Жаль, лошадей пришлось бросить в дороге. Как мы узнали позднее, начальство лагеря успело сообщить по телефону из горящего дома о том, что на них налетело триста партизан. Утром гитлеровцы рыскали по всем дорогам на машинах и мотоциклах. В такой обстановке пробираться на лошадях было опасно.

Об этой операции скоро узнали военнопленные соседних лагерей. Дерзкий налет партизан ободрил пленников, и почти каждую ночь от приходивших к нам людей мы узнавали о новых побегах.

Никакими силами гитлеровцы не могли сдержать стремление советских людей к свободе и борьбе.